

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

**ПЛЯСКИ
С ВОЛКАМИ**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Бушков, Александр Александрович.

Пляски с волками / Александр Бушков. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-04-173218-9

Западная Украина, 1944 год. Небольшой городишко Косачи только-только освободили от фашистов. Старшему оперативно-разыскной группы СМЕРШа капитану Сергею Чугунцову поручено проведение операции «Учитель». Главная цель контрразведчиков — объект 371/Ц, абверовская разведшкола для местных мальчишек, где обучали шпионажу и диверсиям. Дело в том, что немцы, отступая, вывезли всех курсантов, а вот архив не успели и спрятали его где-то неподалеку.

У СМЕРШа впервые за всю войну появился шанс заполучить архив абверовской разведшколы!

В разработку был взят местный заброшенный польский замок. Выставили рядом с ним часового. И вот глубокой ночью у замка прозвучал выстрел. Прибывшие на место смершевцы увидели труп совершенно голого мужчины и шокированного часового.

Боец утверждал, что ночью на него напала стая волков, но когда он выстрелил в вожака, хищники мгновенно исчезли, а вместо них на земле остался лежать истекающий кровью мужчина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173218-9

© Бушков А.А., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

— Не может быть! — ахнул Сашок.
— Не может, — хмуро согласился Вы-
верзнев. — А значит, скорее всего, так и
есть.

Е. Лукин. «Алая аура протопарторга»

ГЕРР ПЕСТАЛОЦЦИ

Я знал точно: никто из наших за эти восемь дней так ничего и не заподозрил. С чего бы вдруг?

Все выглядело совершенно буднично, насквозь житейски, если привлечь старомодные, давно вышедшие из употребления словечки — благолепно. В самом деле, как это смотрится со стороны? Энергично шагает ж себе напрямик к нашей штаб-квартире бра-вый капитан Сергей Чугунцов (меж своих — Акробат, из-за одного давнего дела), официально приказом назначенный старшим ОРГ¹ дивизионного Смерша. Действительно, дело насквозь житейское. И то, что подчиненный у меня один-единственный, причем не наш старый кадр, а пехотный гвардии лейтенант Петя Кашеверов, зеленый стажер в нашей системе, только три недели назад к нам определенный после госпиталя, никого не удивило. Мы — не фронтовое управление и даже не армейское. Людей у нас мало, задачи... в общем, на дивизионном уровне. Так что работаем чаще всего в одиночку или как раз группами из двух человек. Так уж у военных исстари заведено — там, где есть двое, один обязательно будет старшим.

¹ ОРГ — оперативно-разыскная группа.

Скорее уж получится наоборот: создание группы, пусть и из двух человек, заставит людей понимающих чуточку удивиться. Группы у нас создаются для особо серьезных дел, а обычно работаем в одиночку. Так что смотреть будут с некоторым уважением: мол, мы тут пустячки гоняем, а Чугунцову выпало что-то бардзо серьезное. Не могут они так не думать. И оттого на душе кошки скребут: ребята делом занимаются серьезно, хоть и пустяками, а мы с Петрушей восемь дней баклуши бьем. Хорошо хоть, никто не узнает. У нас категорически не принято совать нос в дела сослуживцев, разве что на общих совещаниях у подполковника Радаева иногда можно услышать какие-то обрывочки, в которые опять-таки не положено углубляться мыслью... Очень неловко — ребята пашут как проклятые, а мы, такие все из себя бравые, оба-двое, ждем у моря погоды. Весьма даже неудобно. И ничего не меняет тот суровый факт, что не мы себе такой непозволительный на войне курорт придумали, а токмо волею начальства...

Ну вот и вышел я к нашей штаб-квартире — причем на сей раз название такое следовало употреблять без тени той легонькой иронии, что не раз имела место допрежь. Здание вполне такого именованья заслуживало — большущий двухэтажный домина с кирпичными кружевами по стенам и вокруг окон, балконами с затейливыми чугунными перилами, роскошным широким крыльцом с восемью ступенями и высокой двустворчатой входной дверью. Штаб-квартира, ага.

Часовой у крыльца был знакомый и меня уже знал, но все равно по вьевшейся привычке окинул бдительным взглядом. Опытный был кадр из войск НКВД по охране тыла, с медалью и орденом, красной

нашивкой за легкое ранение. Но пропуска все же не стал требовать, не доходили до такого наши строгости, и потому пропусков у нас не водилось.

Поднялся я по ступенькам быстрым шагом, потянул здоровенную бронзовую ручку, легко распахнул дверь. Был тут какой-то архитектурный секрет: высеченная и тяжеленная дверь распахивалась легко, как садовая калитка.

Поднялся на второй этаж по широкой лестнице с затейливыми основательными перилами, пошел по высокому гулкому коридору к своему кабинету. Стены были в два кирпича (старорежимные, поболее современных), массивные двери из натурального дерева. Тишина стояла густая — и, как всякий раз, показалось, что никого нет в здании, кроме меня. Хотя народу здесь разместилось немало: не только мы, но и Отдел Смерш НКВД (контрразведывательное обеспечение войск НКВД и милиции). И все равно половина кабинетов осталась незанятой, и мне достался такой, какого в других местах не бывало и у нашего начальника подполковника Радаева, да что там, и у иных армейских полковников на серьезных постах.

Специфика городишка Косачи, знаете ли, о которой подробнее чуть погодя. Построили домину, я уже знал, в последние годы царствования Николая Первого, и с тех пор здание, переходя из рук в руки, служило присутственным местом — и при царях, и при белополяках, и недолгий период при советской власти, и при немцах. Вот только лет через десять после постройки, когда произошли известные события и Косачи изрядно зажирели, чиновная орава отсюда схлынула, а те, что остались, попали в райские условия: какой-нибудь мелкий плюгавый писарь, даже

без классного чина, сидел в хоромах, о каких допрежь того и мечтать не мог. Излишняя роскошь, конечно, но не бросать же здание, идеально приспособленное под канцелярию, только потому, что чиновничков стало в несколько раз меньше? Точно так же рассуждали и все последующие хозяева, точно так же рассудило и наше начальство. Жаль только, что полицейский участок (разместившийся во вполонину меньшем, но все же помпезном здании) с его капитальным подвалом и камерами располагался довольно далеко отсюда, и клиенты в наших конвойным приходилось водить за добрых полкилометра — все же близко для того, чтобы затруднять машину.

Отпер дверь родным ключом, здоровенным, с причудливой бородкой, вошел в кабинет и, как обычно, форменным образом в нем чуточку потерялся — словно котенка запустили в здоровенный ящик. Кабинет был огромный, а всей мебели — двухтумбовый канцелярский стол, крытый зеленым сукном на манер бильярдного, да два стула (все нерасшатанное, на совесть сработанное еще в царские, такое впечатлительное, времена). Высокий, мне по грудь, сейф в углу, тоже неведомо с каких времен оставшийся, не удивлюсь, если тоже с царских. Ну и фотопортрет товарища Сталина на стене в застекленной рамочке. Если подумать, ничего мне больше и не нужно для нормальной работы.

Сел за внушительный стол (первый раз в жизни попался такой и наверняка долго еще не попадется), не спеша выкурил трофейную сигарету, прошел к сейфу и отпер его затейливым родным ключом (драпавшие отсюда работнички управы бросили все казенное имущество неиспорченным). В двух отделениях хватило бы места, чтобы уложить добрых полку-

бометра бумаг, но моя канцелярия оказалась гораздо более скромной: там у меня лежала одна-единственная папка с белесыми матерчатыми тесемочками, наша, с собой привезенная. Достал я ее — папка была легонькая, почти невесомая, — сел и положил перед собой на стол. Развязывать тесемки не торопился: все, что там лежало, было мне знакомо чуть ли не наизусть, можно было и не перечитывать, но не лезть в сейф означало бы дохнуть от безделья, как тянулось не первый день...

В правом верхнем углу я сам написал авторучкой большие синие буквы: УЧИТЕЛЬ. Название операции, ага. Давно уже повелось: каждая операция должна иметь название, сплошь и рядом взятое совершенно от фонаря. Дело отнюдь не сводится к одной лишь военной бюрократии, которой не особенно меньше, чем на гражданке. В первую очередь тут забота о сохранении секретности. Вражеский агент может засесть довольно высоко, но если ему попадет такая, скажем, строка: «Проведены очередные мероприятия согласно плану операции «Лапоть», он не продвинется ни на шаг, не зная ничего, кроме названия операции. Так-то. В самом начале, когда группа только формировалась, Петруша, не подумав толком, предложил назвать операцию «Песталоцци». Это у него школьные знания еще не выветрились — он был на четыре года моложе меня и более чем на четверть века моложе подполковника Радаева. Радаев, недолго думая, сказал резонную вещь: великий педагог Песталоцци жил, конечно, до исторического материализма, но, безусловно, был прогрессивным деятелем, гуманистом, а потому не следует припутывать его честное имя к немецким грязным играм. Петруша внял — а я предложил «Учителя», что никаких возражений на-

чальства уже не вызвало, потому что, в общем, ситуации отвечало.

Итак, операция «Учитель»... Название хорошо согласуется с главным объектом нашего интереса — школой, где тевтоны отнюдь не сеяли разумное, доброе, вечное, очень даже наоборот. По документам у немцев это предосудительное учебное заведение проходило как «объект 371/Ц», и за этим незамысловатым шифром укрывалась абверовская разведшкола, где обучали шпионажу, диверсиям и еще парочке гнусных ремесел. Довольно специфическая школа. Таких у абвера имелось немало, но не вполне таких. В большинстве школ готовили взрослых, а вот буквально в нескольких — мальчишек от тринадцати до шестнадцати лет (моложе и старше не брали)...

Расчет был умный и весьма коварный. Мальчишка-шпион или мальчишка-диверсант вызовет гораздо меньше подозрений, чем взрослый, ему гораздо легче добиться своей цели, чем взрослому, да и отсутствие документов прокатит наилучшим образом — ну какие документы могут быть у такого вот пацана, кроме разве что табелей успеваемости, — да и отсутствие таковых опять-таки ни малейших подозрений не вызовет...

Ученички, надо сказать, были, конечно, не немцами, а жителями временно оккупированных территорий. Принуждения тут не было ни малейшего — от агента, работающего под принуждением, хорошей работы ждать трудно. Старательно высматривали подходящих кандидатов, а потом мастерски пудрили им юные неокрепшие мозги. Абверовцы, надо отдать им должное, были хорошими психологами и знали, на чем играть. В первую очередь на присущей мальчишкам страсти к приключениям. Любимыми

играми мальчишек всегда были игры в войну, по себе могу сказать. А здесь — настоящие оружие и взрывчатка, настоящая тайная служба и, что уж там, настоящие награды. Многие на это покупались в первую очередь. А ведь были еще и деньги, хорошие пайки, специфическая идеологическая обработка.

Пионерия и комсомол? Ну, положи руку на сердце... Далеко не всем подросткам они успевали дать перед войной должную идейную подготовку, особенно если учесть, что кое-где немцы держались года по три. Как теперь известно, немало было в партизанах пионеров-героев, но были и такие, кто, выбросив пионерский галстук, а то и комсомольский билет, уходил и совсем по другой дорожке...

И не только в войне причина. Вспомните гайдаровского Мишку Квакина — дело там происходило еще до войны, Квакин, очень может быть, уже и комсомолец и уж по-любому пионер, что ему нисколько не мешает быть главным хулиганом, по выражению самого Гайдара, личностью гнуснопрославленной: обтрясает чужие сады, наверняка есть еще и какие-то другие художества, о которых в повести ничего не сказано. У Гайдара он встает на путь исправления, а в жизни случается и по-другому, и такие вот Квакины, подростки, уходят по уголовной стезе без всякой войны. Теперь представьте, что этот вот Квакин оказался в оккупации, был замечен немцами и взят ими в работу. Что получится? Получится верный гитлеровский волчонок, тут и думать нечего.

А ведь были еще дети крупно пострадавших от советской власти, затаивших обиду на всю оставшуюся жизнь и постаравшихся потаенно отпрысков воспитать в том же духе. Были детки тех, кто пошел в бургомистры, полицаи и прочие немецкие актив-

ные холуи. Наконец, было еще такое явление, как специфика места. Здешние места, как западноукраинские земли, с двадцатого года и до осени тридцать девятого были под поляками. Советская власть тут продержалась неполных два года, а потом на три года уселись немцы. Это тоже сыграло немаленькую роль...

Признаться по совести, когда немцы запустили эту машину, мы с изрядным опозданием врубались, что к чему. Вряд ли нас стоит в этом упрекать. Слишком долго были заточены исключительно на взросло-го супостата, и первое время «квакины» (так их повсеместно стали звать, вроде того, как немцы были «фрицами», а полицаи «бобиками») резвились совершенно безнаказанно. Да и потом, когда узнали, что к чему, работать было трудно: очень многие, и военные, и особенно гражданские, с трудом привыкали к мысли, что безобидный на вид змееныш лет пятнадцати может оказаться не менее опасным, чем взрослые.

Один пример. Тогда в первое время на участке нашего фронта (и нашей дивизии) трое таких вот «квакиных» устроили засаду, изрешетили из «шмайсеров» нашу «эмку». Все четверо, кто там был, погибли: командир полка, начальник штаба, начальник полковой разведки и водитель. Ехали на совещание к комдиву. Не доехали...

Мы, конечно, встали на уши, но искали-то мы, как привыкли, в з р о с л ы х! А эти волчата прошли как песок сквозь пальцы и, как потом стало точно известно, перешли через линию фронта к немцам. Мало того, капитан Леха Рязанцев, разыскник матерый, с первого дня воевавший, на одного из них все же вышел, но не понял, на к о г о вышел, отнесся не-

серьезно. Ну и получил пулю в затылок — волчонок сообразил, что может потянуться ниточка...

И опять-таки потом, далеко не сразу, узнали: немцы, как и прежде случалось, устроили им встречу по первому разряду. Снова надо отдать им должное: и материальные, и моральные стимулы были у них поставлены на совесть. Кроме оккупационных марок, навешивали и регалии попроще, главным образом власовские железки, «медали для восточных народов», но и чисто немецкие солдатские. Как было с той троицей — они принесли документы убитых, планшет со штабными бумагами, награды у всех четверых забрали. Медали им цепляли, сволочи, на общем построении, и даже оркестрик наярывал что-то вроде «Хорста Весселя».

На «зеленых» волчат, еще ни разу на дело не ходивших, это производило именно то впечатление, на которое немцы и рассчитывали. Ну, представьте: расхаживают по школе, задирая носы, их сверстники со взаправдашними новехонькими медалями. Участники героического рейда по советским тылам, бля. Так и тянет брать их в пример, ни в чем не уступить. Я ж говорю, абверовцы были хорошими психологами. Умело и старательно поддерживали в питомцах убеждение, что те — нечто наподобие царских юнкеров, что после победы над Советским Союзом их непременно выучат на офицеров доблестного вермахта, но эту высокую честь надо еще заслужить усердной службой...

Школа возле Косачей, в лесу километрах в двух от городка, просуществовала года полтора. И за это время «квакины» оставили в Косачах весьма даже недобрую память. Куда там гайдаровскому Квакину, для которого потолком было — обтрясти яблони в чужом

саду. Белым пушистым зайкой смотрелся Мишка Квакин по сравнению с абверовскими волчатами...

Немцы, аккуратисты, каждое воскресенье отпускали их в увольнение в городок. Отвозили туда большим автобусом двумя рейсами, а потом так же забирали. Вот они и развлекались на свой манер. Вообще-то в Косачах имелось подобие того, что можно назвать культурной жизнью: кинотеатр «только для немцев», театрик оперетты (куда на последние ряды пускали и местных). Однако из всех очагов культуры «квакины» уделяли внимание только солдатской чайной и двум ресторанчикам опять-таки «нур фюр дойче». «Стипендию» им платили не такую уж маленькую, но волчата жмотничали — то, что им хотелось, можно было взять и бесплатно...

За месяц, прошедший со дня освобождения городка, здесь успел освоиться и развернуться уполномоченный НКГБ капитан Кузьменко, мужик хваткий, с опытом. В его распоряжении было трое оперативников, и агентурой он за месяц обрасти успел. Вот и заполучил стопку подробных показаний о грязных шалостях «квакиных». Начальство двух наших ведомств давно наладило взаимодействие — и я, как разыскник, занимавшийся школой (точнее, в первую очередь ее архивом), все эти показания читал. Не было смысла испрашивать копии, мои интересы лежали все-таки в другой плоскости, касавшейся не личного состава школы, а другого, так что я ограничился тем, что попросил у Кузьменко справку-выжимку. Он и сделал.

Первое время горожане, как и следовало ожидать, представления не имели, что это за странные подrostки ватагами бродят по Косачам — юнцы в аккуратно подогнанной по фигуре немецкой военной

форме без погон, в добротных солдатских сапогах, пилотках без кокард. Но очень быстро узнали, в первую очередь торговцы с воскресного базара, что это за публика...

Немецкие солдаты все же, как проникнутый капиталистическим духом продукт буржуазного общества, за взятое на базаре аккуратно расплачивались, правда, оккупационными фантиками. Так поступали и полицаи, вообще все, кто работал на немцев. Со всем другое дело — «квакины» (многие из которых к тому времени поднакопили опыт мелкой уголовщины, иные попали в школу напрямик из криминальной полиции, немецкой или местной). Эти все, что им нравится, грабастали бесплатно, а если продавцы сдуру пытались протестовать... У каждого из «квакиных» лежал в кармане пистолет. Немцы им штатного оружия не выдавали, но долго ли шпанистому подростку в военное время раздобыть ствол? Главное было — не светить шпалеры в школе, иначе загремели бы на гауптвахту...

В первый же месяц увольнительных волчата на базаре застрелили двух сельских дядьков, имевших неосторожность возмутиться, когда шпаргонцы начали забирать то и это, явно не собираясь платить. Причем стервецы убежать не стали — преспокойно забрали и ушли не торопясь. Ну, понятно — полицаи были заранее проинструктированы, что эти «цветы жизни» приравнены к немецким солдатам, к которым «бобики» не имели права и близко подойти, что бы те ни натворили.

После второго убийства в Косачах поняли, что за напасть на них свалилась, и прониклись: на улицах обходили «юнкеров» десятой дорогой, а на базаре помалкивали и стояли столбом, пока их грабили.

В общем, развернулись ребята. За полтора года изнасиловали шесть девушек, избили несчитанное количество народа, за самогоном охотились не хуже взрослых, к кому-то среди бела дня вломились в дом, сунули пистолеты под нос, зарезали поросенка в хлеву и унесли с собой в хозяйском мешке. Обчищали огороды среди бела дня, выпрягли у дядька лошадь и долго на ней катались... Да много было всякого хулиганства. Завели в Косачах пару натуральных «малин», где отдыхали от учебы с самогоном, патефоном и, из песни слов не выкинешь, с морально нестойкими девицами, являвшимися туда совершенно добровольно (показания пары-тройки таких девиц, державшихся тише воды ниже травы, распускавших сопли и слезы, я тоже читал у Кузьменко). Что касается «малин» — это был единственный случай, когда волчата не пугали хозяев квартир и домов пушками, а ради пушного комфорта платили за «постой»...

Обо всех этих художествах абверовцы прекрасно знали, но ни разу и пальцем не погрозили, наоборот, их как раз устраивало, что их воспитанники лишний раз замарались в грязи и крови. Сам я не охотник, никогда не охотился, но рассказывал мне один старый волчатник: именно так волки натаскивают подрастающих волчат. Притаскивают в логово полузадушенную добычу, бросают деткам, и те принимают ее неумело душить...

Один только раз волчата заporолись: те самые трое диверсантов решили обмыть медали в Косачах. Сначала забрали на базаре несколько бутылок самогона (им торговали, понятно, из-под прилавка), одну бутылку распилили из горла тут же и двинулись по улицам искать приключений. На безлюдной улочке встретили симпатичную молоденькую девушку и на-

ладились было тащить ее на «малину». Девушка была одета гораздо лучше горожанок, но «герои» такими частностями не заморачивались — и ничуть не задумались над тем, что говорила она исключительно по-немецки. Потом оказалось: дочка какого-то мелкого коммерсанта из рейха, приехала сюда с отцом и решила погулять по «экзотическому русскому городу» (для немцев весь Советский Союз был — Россия)...

Быть бы дурешке изнасилованной на хазе, как ее предшественницы из местных, но она оказалась везучей: поблизости случился патруль фельджандармерии, и девчонка завопила на всю улицу, взывая к соотечественникам о помощи. Те крепенько надавали троице по шеям, но, проверив документы, в комендатуру все же не забрали: уж фельджандармы-то прекрасно знали, что это за учетное заведение, и, должно быть, не стали связываться с абвером, благо девчонка осталась не избитой охально...

Однако и тут обошлось: жандармы напинали «проказникам» и отпустили, предварительно отобрав самогон, однако рапорт школьному начальству прилежно отправили. Начальство, судя по всему, решило, что не стоит очень уж сурово наказывать орлов, только что устроивших в советском тылу серьезную пакость и награжденных за это даже не власовскими побрякушками, а вермахтовскими медалями. Все ограничилось разносом в кабинете начальника школы и лишением увольнительных на две недели.

(Крепко подозреваю, даже если бы эти паршивцы успели добиться своего, особых репрессий не последовало бы: волчата — товар штучный, а девица в конце концов — не генеральская дочка и не доченька какого-нибудь Круппа. Мелкий коммерсант — невелика птица, таких в рейхе хоть пруд пруди...)

Да, месяца за полтора до того, как немцам пришлось отсюда драпать, абверовцы решили, как бы это выразиться, расширить и углубить творческий метод — приняли в школу трех девчонок. Уж не знаю, на какую наживку их подцепили, в документах об этом ничего не было сказано, но и тут, безусловно, речи не шло о принуждении. Нашли для них какой-то свой крючок. Вообще-то все разведки мира с женщинами работают, наверное, с тех времен, как появились на свет (а первое упоминание об агентурной разведке имеется уже в Библии), но до абверовцев никто еще не додумался использовать девчонок позднего школьного возраста. Первопроходцы сраные... Безусловно, их планировали использовать исключительно для шпионажа: в отличие от мальчишек, девчонки не склонны к игре в войну, и диверсантки из них, по большому счету, плохие, не повернуты у них к этому руки. Бывают исключения, конечно, взять хотя бы нашу девушку Елену Мазаник, подложившую бомбу в постель гауляйтера Белоруссии Кубе, но это исключения и есть, к чему извращаться, если хватает кандидатов в диверсанты мужского пола, просто в свое время так уж сложилось, что мужчину к Кубе было ни за что не подвести...

Ладно, хватит об этом. По большому счету заниматься курсантами было не наше дело — учитывая, что никого из них в Косачах не осталось. Этим и далее предстояло ведать военной разведке. У нас была другая задача, другая цель, гораздо серьезнее: архив разведшколы...

В бумагах, которые к нам поступали из Главного московского управления (а также из Управлений фронтов и армий), не так уж редко встречались две ставшие стандартными формулировки: «По досто-

верным данным» и «Есть все основания полагать». Чаще всего это полностью отвечало положению дел. Практически никогда не уточнялось, что это за достоверные данные и серьезные основания — каждый знает ровно столько, сколько ему надлежит знать, — но обе формулировки, повторяю, были серьезными, и им следовало верить. В данном конкретном случае они были приведены обе, и, согласно обеим, абверовцы не успели вывезти секретный архив. Откуда это стало известно? Я без уточнений вышестоящих инстанций догадывался: судя по некоторым обстоятельствам, ясным человеку с опытом, в эту школу, как и некоторые другие, сумел проникнуть наш разведчик-нелегал. Другого объяснения не могло и быть.

Сама школа досталась нам целехонькой — полтора десятка бревенчатых зданий в лесу, в свое время добротнo возведенных немецкими саперами. Немцы не стали заморачиваться, вывозить оружейный склад, продсклад, а уж тем более кровати и прочую мебелишку. Бумаг осталось немало, но исключительно бесполезных, вроде ведомостей на сапоги и накладных на продукты. Все хоть капельку секретное, имевшее отношение к учебе, испарилось.

Курсантов абверовцы вывезли за шестнадцать дней до того, как наши войска вошли в Косачи. Такого финала они не предвидели, рассчитывали удержать оборону — просто-напросто школа оказалась чересчур близко от линии фронта, и ее решили передислоцировать. На такой именно план указывает и то, что архив планировали вывезти в случае скверного оборота дел в последнюю очередь, после эвакуации курсантов и преподавательского состава.

А вывезти-то и не получилось! Стремительный темп нашего наступления оказался для немцев со-

вершенной неожиданностью — на войне подобных неожиданностей хватало не только у немцев, у всех. Наши танковые клинья ударили с двух сторон и быстро закрыли «мешок», куда угодила парочка немецких дивизий, очень быстро перемолотых. Ни одна немецкая машина не сумела бы вырваться из этого «котла», пусть и небольшого по сравнению с некоторыми другими. Так что архив пришлось в темпе фокстрота спрятать где-то поблизости.

Задача была несложная и, несомненно, должна была занять очень мало времени. Особых ухищрений не требовалось. Архив, согласно одной из двух формулировок, оказался не так уж велик. Грубо прикидывая, кубометра три. В пересчете на стандартные саперные ящики, в которые немцы что только не пихали, даже если брать самые маленькие — получится десятка два, ну, два с половиной. Ящики уместились бы в одном-единственном грузовике не самой большой грузоподъемности: достаточно было бы вырыть где-нибудь в лесу не особенно и большую яму — работа на пару часов для трех-четырех хватких зольдатиков, привычных ковыряться в земле. Потом в полном соответствии с приключенческими романами о пиратских и прочих «кладах» (романы такие часто имеют аналогии в реальной жизни) заметить место, подобрав надежный ориентир — скажем, «квадрат 24/12, сто метров на север от сосны с разбитой молнией верхушкой» или «триста метров на юго-восток от палаца Косачи». Главное, чтобы ориентир был капитальный, о котором можно рассчитывать, что он сохранится надолго. Ну и хорошенько замаскировать захоронку, скажем, сжечь над ней тот самый грузовик — жертва боевых действий, ага, сожженный нашими

«эрэсами»¹ с истребителя или спаленный самими отступающими немцами, когда кончился бензин. Подобной рухляди валялось там и сям несказанное количество, и если она была в совершеннейшей негодности, могла остаться нетронутой очень долго — кому нужен сгоревший дочиста грузовик, с которого даже запчасти не снимешь? Ну а потом, если сбьются мечты записных немецких оптимистов (в срок четвертом они практически уже не сбывались), вернувшись, нетрудно и выкопать...

По точным данным, дело взял под контроль сам Семеныч² — впервые за всю войну появился шанс заполучить архив абверовской разведшколы, тем более такой. Однако (если допустить на миг этакое вольнодумство), если бы дело попало на контроль, туда, где выше не бывает, к Самому с большой буквы — пожалуй, и Верховный не смог бы сделать так, чтобы вдумчиво обшарили каждый квадратный метр в окрестностях Косачей. Тут и дивизией не обойдешься. Архив, конечно, вещь интересная, нужная в хозяйстве и полезная, но все же не настолько, чтобы ради нее массу людей с фронта снимать.

Вот и ограничилось все тем, что создана ОРГ в составе храброго капитана Чугунцова с его верным Санчо Пансой Петрушей — пока что пребывающая в пошлом безделье отнюдь, как легко догадаться, не по собственному разгильдяйству. Перефразируя Ильфа и Петрова, не корысти ради, а токмо волею начальства. Радаев говорил, что в ближайшее время посту-

¹ «Эрэс» — реактивный снаряд.

² Семеныч — Виктор Семенович Абакумов, в описываемое время — генерал-лейтенант, начальник Главного управления контрразведки Смерш наркомата обороны СССР.

пят некие материалы, которые нам позволят резво шагнуть вперед. Подполковник слов на ветер не бросал, значит, так и будет. Вот только я не первый год служил, прекрасно знал, что сплошь и рядом материалы из Главного управления не прилетают пулей, даже если дело взял на контроль сам генерал-лейтенант. У Главного управления — одиннадцать фронтов, вот и прикиньте...

Ладно, по большому счету всё это — где-то даже и ненужная лирика. В конце концов, о разведшколах абвера, в том числе и их гораздо более редкой разновидности, «квакинских», мы в сентябре сорок четвертого года знаем достаточно. Есть в этой задаче гораздо более интересные, до сих пор не во всем проясненные уравнения, свои темные места, наконец, отдельные чертовски интересные личности. Применительно к данному конкретному моменту это, безусловно, личность «герра Песталоцци», сиречь начальника школы оберста (по-нашему, майора) Людвиг Кольвейса. Крайне любопытный персонаж, абсолютно нестандартный, никак не рядовой экспонат абверовского зверинца.

Первую половину жизни и даже чуточку дольше Людвиг Карлович Кольвейс, прибалтийский немец из Риги, потомственный подданный Российской империи. В Риге его предки обосновались чуть ли не во времена крестоносцев, да так там и остались, когда Петр Первый не то что взял Прибалтику на шпагу, а самым честным образом ее купил у шведов за очень приличные деньги. Щедрой души был государь император — мог бы и задаром отобрать. Ну, так оно, видимо, было спокойнее...

Кольвейсы — не только не фон-бароны, но даже и не дворяне. Однако и простыми ремесленниками

никогда не были. Помещики средней руки, небедные купцы, фабриканты. Словом, не пролетариат и не трудящаяся интеллигенция...

Родился в восемьсот девяносто четвертом году. Окончил гимназию, успел год проучиться в Рижском политехническом институте. Потом началась война, и наш герой пошел на нее добровольцем, вольноопределяющимся в стрелковый полк, русский, конечно. Многие могут удивиться: как это — немец воевал против немцев? Однако нам в училище читали двухчасовой спецкурса и на эту тему.

Никакой такой «единой германской нации» не сложилось, пожалуй что, и сегодня. Германскую империю создал «железный канцлер» Бисмарк всего семьдесят три года назад — где добром, а где железом и кровью. До этого многие сотни лет преспокойно существовало три с половиной сотни самостоятельных государств, от больших и сильных до сущих крохотулечек. Друг с другом они порой воевали не на шутку — в Семилетнюю войну, но особенно триста лет назад в Тридцатилетнюю, от которой не остался в стороне практически никто. Да и при империи во многих «странах» остались прежние короли-герцоги, а их армии пользовались некоторой автономией, пусть и куцей.

Многие до сих пор себя считают не «немцами», а пруссаками, баварцами, саксонцами и прочими. У некоторых — не просто диалекты, а чуть ли не свои самостоятельные языки. Войны меж ними, конечно, отошли в прошлое, но кое-какие трения остаются, есть своя специфика. Пуше всех задирают нос пруссаки — германским кайзером стал их король, и его преемники до краха монархии носили титул «кайзер германский и король прусский». Другие немцы,

считая пруссаков тупыми солдафонами, их недолюбливают, особенно саксонцы, с которыми Пруссия ожесточенно воевала в Семилетнюю войну и чувствительно Саксонию погромила, отхряпав немало землицы. Ко всему этому добавляются и религиозные различия: на севере обосновались лютеране, на юге — католики (в Тридцатилетнюю войну размежевание как раз и шло по религиозному признаку). Одним словом, «общегерманское единство» — вещь мифическая, так что нет ничего удивительного в том, что прибалтийские немцы воевали против «германских немцев» в российской императорской армии и на флоте. И Кольвейсы — никакой не уникум...

Надо отдать ему должное, в тылу не отсиживался и пулям не кланялся — к концу четырнадцатого года получил солдатского Георгия четвертой степени и той же степени Георгиевскую медаль. Был направлен в школу прапорщиков и в полк вернулся командиром взвода. Награжден «клюквой»¹, Станиславом четвертой, Анной третьей и Владимиром четвертой (все, разумеется, с мечами), уже офицерским Георгием четвертой степени. К февралю семнадцатого был капитаном, командиром стрелковой роты.

Далее на год — провал в биографии. Что он в этот период делал, сведений нет. Зато дальнейшее задокументировано точно...

Обнаруживается у белых — сначала у Корнилова, потом у Деникина и сменившего его Врангеля. С остатками врангелевцев уплыл в Константино-

¹ «Клюква» — обиходное название ордена Св. Анны четвертой степени. Царская награда, носившаяся не на груди, а на рукояти офицерского холодного оружия (сабля, шашка, палаш, кортик).

поль. Судя по всему, беляком был идейным, упрямым и неугомонным — всплывает на Дальнем Востоке, где воевал у генерала Дитерихса, пока белых не вышибли окончательно и оттуда. Осел в родной Риге, в то время уже столице независимой Латвии, и продолжать довоенное образование не стал, двинул на ниву народного просвещения. Окончил какое-то двухгодичное заведение вроде нашего техникума, но за пятнадцать лет карьеру сделал неплохую: учитель, классный инспектор, директор гимназии. Получил даже какую-то латышскую железку за гражданские заслуги. В двадцать пятом женился на такой же рижской немке, в тридцать восьмом овдовел. Единственный ребенок — сын, сейчас в училище подводников. О каких бы то ни было его связях с белой эмиграцией или немецкой разведкой сведений нет.

Уехал с сыном в Германию, когда немцы в массовом порядке вывезли туда прибалтийских фольксдойче¹. В рейхе очень быстро попал на глаза абверу — ну да, с его биографией и безукоризненным знанием русского... Уже через месяц после приезда в Германию в чине обер-лейтенанта служит в абвере, в чьих рядах и состоял до недавнего времени.

Я так понял, особенный интерес у наших Кольвейс вызвал оттого, что он был не простым начальником школы. В свое время стал одним из разработчиков плана «Юнгевальде» — того самого плана по созданию школ малолетних шпионов и диверсантов. Надо полагать, у нас о нем до сих пор знали мало.

(«Юнгевальд» по-немецки означает «молодой лес». Во многих странах военные операции и планы

¹ Фольксдойче — этнические немцы, жившие за пределами Германии.

носят название, но немцы всех перещеголяли — пожалуй, единственные, кто поставил на поток красивые, прямо-таки поэтические названия, в свое время назвали прорыв своих боевых кораблей к нашему Северному морскому пути «операцией Вундерланд», то есть «Страна чудес». В толк не возьму, какие там могли быть чудеса — один морской разбой. А в прошлом году провели масштабную операцию против партизан, где участвовали еще латышские и эстонские эсэсовцы, украинские полицаи и «дубравники»¹. И называли ее, извольте ли видеть, «Зимнее волшебство»...

А вот теперь начиналось самое интересное...

По точным сведениям не посвятившей нас в такие детали Москвы, оберст Кольвейс не ушел с отступавшими немцами, а укрылся где-то в здешних местах. Окрестные деревушки отмечаем сразу — там всякий новый человек на виду. Так что укрыться он мог только в Косачах. Так что нам, кроме поисков архива, предписывался еще и розыск герра педагога, чтоб ему провалиться.

А это было задачей труднейшей. Даже учитывая, что в городишке обитало всего-то тысячи три жителей. Не было технической возможности обыскать все без исключения дома и проверить всех до единого мешканцев² — кто бы нам выделил столько людей, даже учитывая важность поставленной задачи? Не Геринга ловим, в конце-то концов, и даже не генерала, ладья, конечно, но все же никак не ферзь...

Здешний уполномоченный НКГБ был мужик хваткий и успел за месяц обрасти кое-какой аген-

¹ «Дубравники» — белорусские националисты, сотрудничавшие с гитлеровцами.

² Мешканец — житель (*польск.*).

турой среди местных, но она пока что ничем не помогла. Кольвейс мог обосноваться на этой же улице и сидеть там тише воды, ниже травы, не привлекая к себе ровным счетом никакого внимания — коли уж за месяц не попался, мог позаботиться о безукоризненной легенде, а то и убедительных фальшивых документах. Почти никто его раньше не видел — не только местные, но и большинство немцев. В Косачах он по делам школы бывал редко, общался с узким кругом лиц — и среди допрошенных пленных никого из этих лиц не оказалось, как и среди разнообразных немецких пособников...

Фотографий его в нашем распоряжении не имелось. Словесный портрет, правда, был, явно составленный профессионалами. Но в данной конкретной ситуации и он мало чем мог помочь, особенно при розысках человека, который, несомненно, без крайней необходимости нос из своего убежища высовывать не будет. Вообще со словесным портретом научены грамотно и хватко работать исключительно оперативники. С комендантскими патрулями (и в особенности с солдатами войск НКВД) обстоит гораздо хуже. Да и внешность изменить мог. Месяца хватило бы, чтобы отпустить бороду, а наголо обрить голову можно было еще быстрее, сразу же. И то, и другое внешний облик человека меняет разительно...

С самого начала я заметил, что во всей этой истории были откровенные нескладушки, лежавшие на поверхности и пока что не находившие объяснения (и подполковник Радаев с моими соображениями согласился). Во-первых, решительно непонятно, почему вообще Кольвейс остался здесь. Кому-кому, а начальнику разведшколы абвера, тем более столь специфической, приказали бы эвакуироваться в пер-

вую очередь. Даже после того, как наши танки в полу-сотне километров западнее замкнули кольцо окружения, немцы здесь об этом еще три дня не знали — и наперегонки драпали на запад. Только на четвертый день в Косачи вошли наши стрелковые части — и застрявших в окружении немцев было очень немного, в основном тыловиков без офицерских погон...

Во-вторых (а то и в-главных), Кольвейс, человек сугубо городской, безусловно, не стал бы укрываться под елочкой в чащобе — чересчур уж безнадежное предприятие. А чтобы засесть где-то в городе, он, несомненно, должен был располагать заранее подготовленной агентурой из местных — но в том-то и дело, что агентуре таковой неоткуда у него взяться! Конечно, контрразведывательные подразделения абвера таковой располагали, но она ни к чему абверовской школе. А поскольку и у немцев действует тот же железный принцип: «Каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать», Кольвейс никак не мог что-то знать об агентуре «смежников». Но ведь где-то лежал на дне целый месяц!

Вообще-то в московских бумагах значилось, что у Кольвейса есть особая примета, прямо-таки роскошная. На груди мастерски выполненная татуировка «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!», и под ней двуглавый императорский орел. До революции такие верноподданнические штучки были совершенно не в ходу даже у ярых монархистов, так что наколка явно сделана в его белогвардейские времена. Доводилось мне в прошлом году допрашивать немецкого подполковника пятидесяти с лишним лет, так вот он как раз, когда пришло известие об отречении кайзера, выколол на груди кайзеровского орла под короной. Упертый был монархист — ага. Даже чуточку огорчился, сукин кот,

узнав, что нам его татуировка до лампочки и никто за нее расстреливать не будет.

По большому счету, нам от этой шикарной особой приметы не было ровным счетом никакой пользы. Опять-таки нереально раздевать до пояса всех подозрительных мужчин подходящего возраста. Получается, как в старом анекдоте: лучший способ извести мышь — поймать и соли ей на хвост насыпать. Поди поймай...

И наконец... Вот он, Людвиг свет Карлович, отличного качества фотография, извольте любить и жаловать. Одна беда: сделана она в некоем «фотоателье» Маркуса в Санкт-Петербурге весной шестнадцатого года. Для опознания, в общем, непригодна: за двадцать восемь с лишним лет человек меняется разительно. Сужу в том числе и по фотографии моего бати, сделанной в Гражданскую, и по фотографии того же времени, которую я видел у Радаева. Если бы они оба не показали на себя, ни за что бы в этих молодых парнях в гимнастерках с «разговорами»¹ и буденовках...

Вполоборота к камере сидит свежеспеченный господин прапорщик в отутюженном френче и но-вехонькой, сразу видно, офицерской фуражке, картинно держит руку на сабле. Кроме обеих Георгиевских наград и знака школы прапорщиков, изукрасил себя всем, чем располагал: бинокль на груди, через левое плечо офицерская планшетка, через правое походный кожаный портсигар, на левой руке вдоба-

¹ «Разговоры» — обиходное название разноцветных клапанов на гимнастерках или шинелях красноармейцев в 20-е годы. Цвет обозначал принадлежность к определенному роду войск.

вок большой компас. Ну, свежевypушенные офицеры всегда и везде одинаковы. Я сам после выпуска из училища, когда получил лейтенантские «кубари»¹ (Эмалированные!! Вишневого цвета!), снялся примерно так же: бинокль из цейхгауза училища на груди, полевая сумка да вдобавок шашка меж колен (которая мне, в отличие от сабли Кольвейса, по уставу не полагалась категорически). Девушек впечатляло, что уж там...

На обратной стороне твердого паспарту² каллиграфически выведено: «Виленская школа прапорщиковъ, март 1916 года». Вот именно, март шестнадцатого, двадцать восемь с лишним лет назад. Сейчас, несомненно, этот юнец с лихими усиками выглядит совершенно иначе...

¹ До февраля 1943 г., когда ввели погоны со звездочками, знаками различия в Красной армии служили геометрические фигуры на петлицах гимнастеров и шинелей: треугольники у сержантов и старшин, квадраты-«кубари» у лейтенантов, «шпалы» до полковника включительно.

² Паспарту — картонная подложка, на которую до революции часто наклеивали фотографии.

ПАНОВЕ НЕПОНЯТНО КТО

Вот и все, что у меня имелось на Кольвейса, и своими усилиями я не мог к этому ничего добавить, оставалось ждать, когда Москва выполнит свое обещание (если выполнит) и пришлет дополнительные данные...

День едва перевалил за полдень, заняться было совершенно нечем, а потому я в десятый раз, чтобы не считать мух и не пялиться в окно, взялся за скудные материалы по двум другим фигурантам тощенького дела, попавших в папку «Учитель» исключительно из-за заявленной связи их с Кольвейсом. При других условиях, скорее всего, ими занялся бы НКГБ, но из-за упоминания в анонимном письме именно что Кольвейса занялись мы. Да и письмо принесли не в НКГБ, а нам. Среди бела дня к наружному часовому у отведенного нам здания подошел невидный собою мужичок, сунул ему большой самодельный конверт, заклеенный вареной картошкой, «пробелькотал»¹, как выразился часовой родом из Западной Белоруссии: «Панам советским офицерам» — и припустил прочь. Часовой, понятно, не мог покинуть пост и кинуться вдогонку, окликнул, но тот припустил еще

¹ «Белькотать» — бормотать (*польск.*).

шибче, свернул за угол и исчез с глаз. Ну, часовой вызвал свистком разводящего, доложил по всей форме и отдал конверт, попавший от дежурного офицера к Радаеву, а там и ко мне.

Было это неделю назад. С сержантом, стоявшим тогда на часах, я поговорил. Парень третий год служил в войсках НКВД по охране тыла, имел три медали и красную нашивку, был сметливым, сообразительным, на хорошем счету в роте, но он не смог дать ни малейшей ниточки. Неприметный бородатый мужичок лет сорока, разве что у сержанта почему-то осталось именно такое впечатление, не горожанин, а скорее хуторянин или деревенский. «Вот отчего-то такое впечатление осталось, товарищ капитан», — говорил он. Поди найди теперь, хотя найти было бы крайне желательно, было о чем порасспросить...

Вот она, анонимка. Стандартный лист желтоватой немецкой бумаги, писано химическим карандашом, хорошо очиненным, который часто слюнили...

«Дарагие савецкии товарищи!

Как я есть человекк савецкий, доношу до вашего сведения, что часовщик Ендрек Кропивницкий, что мешкает на Липавой номер восемь, а мастерскую держит на площади у костела, есть не часовщик и не Кропивницкий, а капитан Ромуальд Барея, что при польских панах, разрази их лихоманка, потаенно служил в дефензиве¹ и вынюхивал славных камунистических подпольщиков, как пес. А потом с такими же сволочами их катувал в подвалах и двух сам рострелял без всякого на то суда, пусть и панского непра-

¹ Дефензива — политическая полиция в довоенной Польше.

ведного. Када пришли наши в тридцать девятом, он, я так располагаю, затаился. А при немцах, паскуда такая, стал им наушничать. Ходил под абверовским майором Кольвейсом, каковому и выдавали честных савецких людей, про которых случалось узнать, что они против немцев. А часто и вовсе наклепывал на безвинных, немцы их потом катували и вешали. Его лепший приятель, который аптекарь, Владимир Липиньский, из того же ящика тварь. Вдвоем немцам доносили. Таварищи, не упустите этих двух сволочей! Уж выбачайце, не подписуюсь и не объявляюсь, потому боюсь. Кроме этих двух гнидов в городе есть еще и другие затаившиеся немецкие хвосты».

Такой вот эпистоляр. Это до войны, после воссоединения здешних земель с советской Белоруссией, самым активным образом дефензивой занимались как раз мы, тогда еще не Смерш, а особые отделы Красной армии. Но не теперь. Сейчас к нашим конкретным целям и задачам уже не имела никакого отношения контора, благополучно сдохшая без отпевания пять лет назад. При других обстоятельствах мы переправили бы анонимку в НКГБ и думать о ней забыли, но в ней упоминался абверовец Кольвейс...

Кропивницкий и Липиньский моментально попали даже не под лупу — под микроскоп, что твои бактерии. Обоих взяли под круглосуточное наблюдение и принялись собирать о них сведения, напрягли и НКГБ, и милицию, привлекли и двух человек, при немцах как раз и занимавшихся партизанской разведкой в Косачах и по возрасту не взятых в армию полевыми военкоматами.

Толку не получилось никакого. Абсолютно. Первостепенное внимание уделили Кропивницкому,

по утверждению автора анонимки, офицеру дефензивы. И не накопили и тени компроматериалов. Не будь анонимки, благонамереннейший обыватель, хоть икону с него пиши... Никаких сведений о его работе на немцев чекисты не откопали, не было таковых и у партизан. Вообще-то разведка в Косачах у них была поставлена хорошо, троих засвеченных немецких стукачей они еще при оккупации шлепнули, а спустя некоторое время после освобождения города повязали и привели куда следует, но, как показывает опыт, в таких делах всегда удается вскрыть лишь часть агентуры противника, никогда не бывает так, чтобы удалось высветить всю целиком — никогда и нигде, таковы уж законы игры, не нами и не сегодня придуманные...

Ну а оба партизанских разведчика, узнав, что Кропивницкого связывают, кроме немцев, еще и с дефензивой, удивились не на шутку. Ни о чем подобном в Косачах никто и не слыхивал.

Жизнь Кропивницкого за десять с лишним лет в Косачах была изучена доскональнейше. С какой стороны ни подходи, представал безобидный и благонамеренный обыватель, лояльный ко всем сменявшим друг друга властям, этакий премудрый пескарь, если вспомнить Салтыкова-Щедрина.

В Косачах он появился летом тридцать четвертого и обосновался здесь прочно. Судя по всему, денежки у него водились. Купил небольшенький, но приличный каменный домик с большим огородом на окраине города, обустроил небольшую часовую мастерскую в хорошем месте на площади у костела. Сначала дела у него шли не особенно хорошо — в Косачах уже было три часовщика, но мастером он оказался хорошим и понемногу потеснил двух из трех, так что

серьезным конкурентом для него стал только один, некто Яков Циперович. Кропивницкий работал не только с частными клиентами — чистил и чинил настенные и напольные часы в разных конторах и учреждениях.

Неизвестно, был ли он женат раньше — в Косачи приехал один-одинешенек и о своем прежнем семейном положении никогда никому ничего не рассказывал. Однако через пару месяцев сошелся с некоей Анелей, бездетной вдовушкой десятью годами его моложе — городишки вроде Косачей во многих отношениях чертовски похожи на деревню, такие вещи ни за что долго не скроешь (видел я эту Анелю — не писаная красавица, но довольно симпатичная). Еще через два месяца они по всем правилам обвенчались в костеле, да так до сих пор и жили. По отзывам соседей и знакомых, жили, в общем, дружно, детей, правда, так и не завели...

Одним словом, пять с лишним лет Кропивницкий проработал, пользуясь словами Ильфа и Петрова, кустарем-одиночкой без мотора. А если выражаться более пышно, как это было принято в буржуазной Польше, — частным предпринимателем, правда, не более чем на десяти квадратных метрах и с инструментами, умещавшимися в небольшом чемодане (ну, инструмент у часовщиков миниатюрный и много места не занимает). Палат каменных, кроме того домика, не нажил, но и никак не бедствовал, не пролетарий, что уж там.

С установлением советской власти для нашего героя мало что изменилось. Все четверо часовщиков так и работали в прежних мастерских, но новая власть их объединила в трудовую артель с красивым названием «Красный маятник» (я не стал выяснять,

в чем именно заключалась эта самая артельность — совершенно ни к чему было).

Потом началась война и пришли немцы. Кропивницкий и тогда ничего не потерял. Даже наоборот, стал таким монополистом, единственным в Косачах часовых дел мастером. Его главный конкурент Циперович был евреем и, справедливо не ожидая от немцев ничего хорошего, в первый же день войны эвакуировался со всем семейством. Что до двух остальных, один погиб при бомбежке, а у второго оба сына ушли в партизаны, за что его и сволокли в полицейскую роту «дубравников», откуда он уже не вернулся.

Кропивницкий но бедствовал. Чинил те же самые часы в тех же учреждениях и конторах, которые теперь заняли немцы, — да вдобавок к нему с наручными и карманными часами и будильниками ходили теперь главным образом немцы и их прислужники.

Когда вернулись наши, часовщика никто никаким репрессиям подвергать не стал. Не стоит говорить об этом прилюдно, но такова уж была суровая реальность непростого времени. На временно оккупированных территориях в партизаны или подпольщики никак не могли уйти все поголовно советские люди, да многие к этому и не стремились, просто пытались выжить, как уж удавалось. Очень многие работали у немцев официантками, уборщицами, возчиками, грузчиками, короче говоря, на грязных работах типа «подай-принеси». Никто не считал их «изменниками Родины» и «пособниками оккупантов». Другое дело — сотрудники всевозможных управ и особенно полиции, и вот с теми разговор был короткий...

Так что с возвращением наших для Кропивницкого мало что изменилось — те же самые часы в тех же

самых учреждениях, сменивших разве что вывески, а вместо немцев — наши военные...

Об анонимке мы сообщили даже не в наше армейское управление, а его посредством в Москву, именно что из-за упоминания там Кольвейса, чьи поиски были на контроле в столице. И очень быстро пришел ответ: поиски материалов о капитане дефензивы Ромуальде Барее в наших архивах начаты. Лично меня это ничуть не удивило: я и начал службу в сентябре тридцать девятого в составе одной из многочисленных спецгрупп, нацеленных на захват польских архивов — конечно, не польских ЗАГСов или комбинатов бытового обслуживания, а контор гораздо более серьезных. Взяли мы тогда немало — эвакуировать их полякам было, собственно говоря, и некуда, с запада вплотную подступали немцы, а уничтожать в царившем у них тогда бардаке не удосужились. Так что материалы местной дефензивы вполне могли лежать в Москве, годные к употреблению. Москва еще дала указание: наблюдение за Кропивницким и его разработку продолжать, а при необходимости действовать по обстоятельствам — одна из стандартных формулировок для подобных случаев...

Вот мы и разрабатывали, что сводилось исключительно к постоянному наблюдению — других оперативно-разыскных мероприятий, как мы уже убедились, попросту пока что не существовало. Наблюдение не дало ровным счетом ничего интересного и уж тем более подозрительного: часовщик, подобно многим его возраста, жизнь вел размеренную и совершенно скучную. Утром отправлялся в мастерскую в одно и то же время, хоть часы по нему проверяй. Обедал всегда в одном и том же месте, в маленьком кафе некоего Пачуры, сохранившемся со времен не-

мецкой оккупации (власти намеревались и его национализировать, но пока что руки не дошли, были дела поважнее вроде восстановления колхозов и пуска единственного в Косачах промышленного предприятия, пивного заводика, заброшенного с приходом немцев). Гостей у себя принимал и в гости ходил очень редко — всегда с пани Анелей к таким же семейным парам. Единственным его приятелем был, как мы совершенно точно установили, поминавшийся в анонимке Липиньский. Встречались аккуратно, по вторникам и воскресеньям, немного выпивали, долго играли в шахматы (оба оказались заядлыми любителями сей благородной игры). Ну разве что по вызовам он ходил совершенно непредсказуемо, когда уж позовут.

Вот кстати, о вызовах. Чтобы составить о нем некоторое представление, я сначала хотел зайти к нему в мастерскую, принести починить сломанные наручные часы (долго ли такой реквизит обеспечить?), но по размышлению придумал вариант получше. На втором этаже у нас в одной из комнат стояли напольные часы в затейливом резном футляре, судя по клеймам, сделанные в Германии еще в девяносто четвертом году. Что-то с ними было крепенько не то, стрелки крутились без всякой связи с реальным временем. Двое солдат в два счета отволокли их ко мне в кабинет, потом один из них сходил за Кропивницким. Ручаться можно, часовщик ничегошеньки не заподозрил: еще один советский офицер, еще одни сломанные часы, еще одно военное учреждение без вывески и с часовым у входа — дело совершенно житейское...

Пришел солидный дядя, именно такой, каким мне его в первый же день описали оперативники: в стареньком, но чистом отглаженном костюме, при гал-

стук, тронутой сединой окладистой бороде и чеховском пенсне со шнурочком, в золотой оправе. С черным саквояжем, какие еще до революции и до сих пор носили иные старые врачи.

В общем и целом он на меня произвел хорошее впечатление: несуетливый, немногословный (часовщики из тех, кто за работой не болтает), без тени подхалимажа. Часы починил быстро, так что они с тех пор шли безукоризненно, а вдобавок по моей просьбе отключил бой, чтобы не гроыхали что ни час — не было смысла волочь часы назад, они в той комнате были совершенно ни к чему, мы там устроили оружейку. Американскую тушенку (знаменитый «второй фронт») и шоколад той же национальности взял без отнекиваний, со спокойным достоинством хорошо сделавшего работу мастера, знающего себе цену.

Чистого любопытства ради я поставил на стол шахматную доску, расставил фигуры согласно задаче из довоенного шахматного журнала (сам я не большой любитель, редко играю, а журнал взял у капитана Карцева, как и шахматы (вот он был большой любитель, возил с собой и доску, и стопку журналов). Кропивницкий шахматы с р и с о в а л сразу, но лишь закончив работу, спросил, играю ли я. Я ответил, в общем, чистую правду: играю редко, но вот от нечего делать решил поставить задачу, про которую говорится, что черные начинают и выигрывают в четыре хода. И поинтересовался, что он скажет, — я же вижу, что к шахматам он с самого начала приглядывался с большим интересом, так что явно играет много. Кропивницкий скромненько так сказал, что «поигрывает», присмотрелся к фигурам — и в какую-то минуту решил задачу, хотя и говорил, что такая ему раньше не встречалась. Именно что вклеил белым мат в че-

тыре хода — а ведь в журнале писалось, что задача из сложных, что ее в прежние времена играли на европейском чемпионате два каких-то знаменитых гроссмейстера...

Словом, не будь анонимки, он бы для меня выглядел симпатичнейшим человеком. А применительно к данному конкретному случаю я для себя быстро сделал вывод: если это и в самом деле затаившийся вражина, враг не из мелких, серый волчище. Шахматы придают особенную остроту уму, мне уже с такими волчищами — серыми хвостиками, отличными шахматистами, приходилось сталкиваться...

Четыре дня прошли скучно, без всяких сюрпризов, а потом — грянуло! Меня вызвал подполковник Радаев. У него сидел старший лейтенант Воронин, старший группы по разработке часовщика. Радаев сказал, что Воронин пришел кое с чем крайне интересным, но пока не докладывал, говорит, мне тоже будет интересно послушать.

Оказалось, интереснее некуда! Никак нельзя сказать, что я был ошеломлен, я не зеленый стажер вроде Петруши, но все же новость меня малость удивила. Воронин говорил: теперь, когда прошло четыре дня, у него не осталось никаких сомнений, что Кропивницкий, мирный и безобидный часовых дел мастер, в свое время был весьма даже профессионально обучен выявлять слежку за собой. Подозрения у Воронина возникли в первый же день, а потом превратились в уверенность. Часовщик засек наших в первый же день — а ведь они все поголовно были не лопухи. Оторваться от наблюдения ни разу не пытался (в Косачах это было бы бессмысленно), но всякий раз, оказавшись на улице, проверялся грамотно, хватко, без примитивных штучек вроде завязывания

шнурков, есть способы искуснее, которые опытный оперативник определит быстро...

Верить Воронину следовало безоговорочно — служил два с половиной года, начинал еще в особых отделах, за это время ничего из порученного не провалил. На отличном счету, матерый разыскник. Четыре боевых ордена и три медали, из них одна польская — он в свое время был среди тех, кто помогал полякам ставить свой Смерш. Так что верить ему следовало безоговорочно, ошибиться никак не мог...

Это решительно меняло дело. Конечно, так и оставалось неизвестным, есть ли мирный часовщик капитан дефензивы Барея, но факт тот, что Кропивницкий хорошо учен хитрым премудростям, с какими обычный обыватель никогда не столкнется всю свою сознательную жизнь. Отсюда логично вытекает следующий вопрос: если он знает, что за ним четыре дня ходят хвосты, не попытается ли смыться в неизвестность, необязательно под покровом излюбленной авторами приключенческих романов темной ночи? Иные на его месте так и поступали.

Должен понимать: неспроста его плотно водят ровным счетом четыре дня...

Радаев приказал арестовать его немедленно, все равно, сидит он в мастерской или пошел на вызов (он в таких случаях всегда записывал в журнал, куда именно пошел). Взять с максимальной осторожностью — вдруг он неплохо учен и стрельбе и, видя, что запоролся, решит уходить с боем...

Воронин с двумя своими ребятами аккуратненько взял его в мастерской, не встретив сопротивления. На этом группа по разработке Кропивницкого прекратила свое существование по причине полной в ней более ненужности, и все дальнейшее легло на

наши с Петрушей могучие плечи. Мне дали толковых людей, они провели обыски в мастерской и на Липовой, в доме. В мастерской не обнаружилось ровным счетом ничего интересного. В доме поначалу тоже. Документы в столе нашлись самые безобидные: довоенный польский паспорт с немецким регистрационным штемпелем, костельное свидетельство о браке, выданное в местной парафии¹, патент от городских властей на открытие часовой мастерской, несколько бумаг касаясь мастерской, купчая на дом, немецкое разрешение на велосипед (без такого разрешения, выдававшегося отнюдь не автоматически, поляк ездить на велосипеде и владеть таковым не имел права). Всё. Никаких писем, единственная фотография изображает Анелю в подвенечном платье и Кропивницкого в черной паре, с цветочком в петлице. Ну и еще пачка бумаги, где листы испещрены буквами и цифрами (специалисты меня потом заверили, что это не шифровки, а всего-навсего записи шахматных партий).

Было в этом нечто сугубо неправильное. Понятно, почему нет ни единой советской справки — ну, например, о том, что пан Кропивницкий не эксплуататор трудового народа и не туеядец, а благонамеренный член артели «Красный маятник». Эта и другие советские справки просто обязаны были у него накопиться за полтора года, как должен был появиться и советский паспорт с пропиской.

Ну, это не ребус, мы с таким уже сталкивались — много здесь с приходом немцев на всякий случай, «страха ради иудейска», побросали в печку все вы-

¹ Парафия — в Польше дом приходского ксендза, служивший чем-то вроде церковной конторы.

данные советской властью бумаги, сохранив лишь польские довоенные. Неправильно как раз другое: не было ни единой польской бумажки, выданной бы до появления Кропивницкого в Косачах. Не было бумаги о крещении, до революции заменявшей свидетельство о рождении. Не было свидетельства об образовании — а ведь он должен был где-то учиться. Не было документа об отношении к воинской повинности. Наконец (и, пожалуй что, «во-первых»), не имелось свидетельства о получении профессии часовщика, которое просто обязано быть, без него не выдали бы патент на мастерскую. Специалисты мне объяснили: независимо от того, закончил ли Кропивницкий соответствующие курсы или постигал мастерство в подмастерьях у хозяина большой мастерской, такое свидетельство он был обязан иметь. В точности как я обязан иметь офицерское удостоверение личности с фотографией и печатями...

Короче говоря, выглядело все так, словно пан Кропивницкий летом тридцать четвертого в возрасте сорока с половиной лет свалился с Луны без единого документа о прошлой жизни. В реальности такого не случается, в первую очередь оттого что на Луне жизни нет и люди оттуда падать не могут. Тут что-то другое, совершенно не имеющее связи с Луной и касающееся исключительно нашей грешной земли. Но подсказал бы кто, в чем здесь разгадка...

Забегая вперед: никакой ясности не внес и довоенный польский паспорт, выданный в феврале тридцать четвертого года (ну, с Луны свалился персонаж!). Фотография, несомненно, Кропивницкого, тоже с бородой, правда, без пенсне. Десять лет — не двадцать девять, как у Кольвейса, так что Кропивницкий узнается легко. Специалисты не нашли в па-

спорте следов подчисток и помарок, равно как и переклейки фотографии. По их глубокому убеждению, это был самый что ни на есть доподлинный польский паспорт, выданный соответствующей государственной конторой.

(Вообще-то у сотрудников дефензивы и некоторых других контор бывало не по одному имени и не по одному доподлинному паспорту, но подтвердить эту версию пока что было нечем. Паспорт был выдан в воеводстве, по-нашему, в областном центре. Мы отправили туда коллегам соответствующий запрос и фотографию Кропивницкого, но ответа еще не получили.)

Нечто гораздо более интересное отыскалось в потайном ящике комода. Шестьдесят четыре золотые монеты, в основном царской и кайзеровской чеканки, но были и одиннадцать французских двадцатифранковиков и даже два английских соверена. Сто восемнадцать польских серебряных монет с Пилсудским и королевой Ядвигой. Ухоженный пистолет «Вис» выпуска тридцать третьего года (отличная польская довоенная машинка, скопированная с американского «кольта»), три пустые обоймы (пистолет был не заряжен) и полсотни патронов в полотняном мешочке. Три довоенные польские награды — крест двадцатого года за Львов с соответствующей гравировкой (я и раньше видывал такие), крест четвертой, низшей степени польского военного ордена «Виртути милитари» и бронзовая медаль в честь десятилетнего юбилея Польши. И никаких документов, кроме одного-единственного удостоверения к юбилейной медали, выписанного на имя Ендрек Кропивницкого...

Пожалуй что очередная загадка — касавшаяся исключительно наград. Самое занятное, пистоль сам

по себе не был ни уликой, ни компроматом. Война. На ее протяжении у массы мирного народа, никак не связанного ни с нашими партизанами, ни с «дубравниками», ни с аковцами, ни с прочими разновидностями збройного¹ подполья, осело немало оружия, причем не только пистолетов — случалось изымать у хуторян и деревенских и винтовки, и «шмайсеры». Это общая тенденция: во времена войн и прочих серьезных смут народец втихомолку запасается оружием на всякий пожарный...

И военные награды — тем более не компромат, даже если допустить (учитывая «львовский» крест), что Кропивницкий воевал в двадцатом против Советской России. Обычных солдат этой войны наши не искали и не трогали, грабастали только тех, кто был уличен в репрессиях против пленных красноармейцев, коммунистического подполья или мирного населения «кресов восточных»². Да и немцам, по большому счету, плевать было на тех, кто когда-то воевал с «большевиками» (а также тех, кого отлавливали наши).

И уж тем более не компромат — юбилейная медаль, которую, как это всегда с юбилейными медалями водилось, получило превеликое множество самого разного народа, от генералов до почтальонов. Причем для этого вовсе не нужно было иметь каких-то особых заслуг перед государством вроде участия в войне двадцатого года или строительства авиазавода,

¹ Збройный — вооруженный (*польск.*).

² Восточными кресами (восточными землями, «кресами восточными») в довоенной Польше именовались Западная Украина и Западная Белоруссия, оккупированные поляками в 1920 г. и возвращенные СССР в 1939 г.

каких в Царстве Польском при царе не было. Часто достаточно было тому же почтальону усердно разносить в любую погоду газеты и письма. Как гласила в царской России одна из формулировок, «За безупречную службу», и даже медаль была с таким названием.

(Так сложилось, что мне это известно на собственном опыте. Свою первую награду, медаль «XX лет РККА», я получил в декабре тридцать девятого за то, что неплохо себя проявил в составе упомянутой особой группы по розыску иных польских архивов. В РККА я к тому времени прослужил лишь четыре с небольшим года, считая от зачисления в училище. И таких было немало, получивших эту медаль за какие-либо отличия в службе.)

И наконец, уж безусловно, не считались компроматом монеты в тайнике: с тех пор, как придумали деньги, предусмотрительные люди их старательно копили на черный день — кто имел такую возможность, серебро и золото, народ победнее набивал кубышки медяками...

Арест Кропивницкий воспринял довольно спокойно, не возмущался, не вопрошал, по какому такому праву берут невиновного, не качал права — возможно, был фаталистом. Точно так же он держался на допросе, который провел я ближе к вечеру. Допрос получился коротким: об анонимке я не упомянул ни словечком, а кроме нее, ничего противозаконного за ним не числилось, если не считать пистолета. Вот от него я и плясал: как ни крути, а часовщик нарушил приказ военной комендатуры о сдаче оружия (и далеко не он один). Откуда дровишки? Кропивницкий спокойно объяснил, что пистолет и патроны в прошлом году приобрел из-под полы на рынке за три

золотые царские десятки. Вполне убедительно, все обладатели оружия так и поступали — либо покупали на рынке из-под полы, либо променивали на что-нибудь хорошее. (У одного зажиточного хуторянина наши выгребли даже не «шмайсер», а немецкий пулемет МГ-42 с тремя коробами патронов, выменянный на самогон и ветчину. Обстоятельно дядько подготовился к возможным житейским невзгодам...)

Я поинтересовался еще, не делая на этом особого упора, чем он занимался до того, как осел в Косачах, заметив вовсе уж вскользь: как-то интересно так вышло, что у него нет никаких документов о прошлой жизни.

Он и тут отвечал спокойно и охотно. Родился в девяносто четвертом в воеводстве, там окончил гимназию и по давней к тому склонности поступил подмастерьем к самому крупному в городе часовых дел мастеру Шимону Кравцу, через год получил свидетельство мастера, еще пять лет проработал у Кравца, а там и завел собственную мастерскую, причем еще за три года до того женился на младшей дочери Кравца, так что без помощи тестя явно не обошлось. С женой жили хорошо, разве что детей Бог не дал. И дела шли неплохо. Вот только в январе тридцать четвертого в их домике приключился пожар. Сам Кропивницкий был в мастерской, а вот крепко спавшая жена задохнулась от дыма, и, прежде чем примчались пожарные, огонь изрядно похозяйничал в домике, уничтожил в том числе и все документы.

После гибели жены Кропивницкий не мог оставаться в городе, так что, выправив новый паспорт взамен сгоревшего, перебрался километров на полсотни южнее, в Косачи — по совету кого-то из приятелей родом отсюда. И не прогадал — дела шли хо-

рошо до самого недавнего времени, от немцев не пострадал, погоревав, женился во второй раз, приобрел домик с большим огородом, ставшим немалым подспорьем во времена оккупации. Политических убеждений не имеет никаких, зарабатывать на жизнь, содержать жену и дом — вот и вся его политика...

Если это легенда, то, надо признать, железная. Во всяком случае, у меня не было ничего, позволявшего бы подвергнуть сомнению хотя бы какую-то ее часть. Разумеется, следовало сообщить нашим коллегам в том городе, чтобы проверили и эти сведения, но пока что ничего не предпринимать...

Отношения с немцами? Они сводились исключительно к тому, что Кропивницкий чинил им часы в мастерской и в конторах. Ни с одним немцем не был знаком, и в гостях они у него никогда не бывал, что подтвердят соседи.

Ну а награды? Он и здесь отвечает охотно: оба креста им получены за двадцатый год, когда его мобилизовали и он участвовал в войне до заключения мира. Никаких грехов на совести не имел, воевал простым пехотинцем — а он точно знает, что Советы и никогда не преследовали рядовых жолнежей¹ той кампании. Награды прятал даже не от нас, а от немцев — та война была не против немцев, но кто знает, что им могло стукнуть в голову, найди у него военный крест. Немцы людей щемили очень разнообразно — например, запрещали полякам в генерал-губернаторстве² есть белый хлеб (тут он опять-таки говорил чи-

¹ Жолнеж — солдат (*польск.*).

² Генерал-губернаторством немцы именовали часть оккупированной ими Польши (часть была включена в состав гитлеровской Германии).

стую правду, я и сам об этом знал). А тут — польские боевые награды...

Снова весьма правдоподобно, при отсутствии реальных доказательств опровергнуто быть не может...

Больше его расспрашивать было не о чем, не имея ровным счетом никаких дополнительных сведений. Так что следующие четыре дня он смиренхонько сидел в одиночке, и пани Анеля с нашего разрешения дважды приносила ему передачи. Такие разрешения в подобных случаях мы давали отнюдь не из гуманизма — порой в харчишках обнаруживался, как выражались наши коллеги на Украине, грипс¹. Так что, прежде чем отдать передачу часовщику, наши ее старательно потрошили — резали колбасу на тонкие ломтики, раскромсали пирог с капустой, проверили табак в пачке. Лишь вареные яйца удостоили только визуального осмотра — уж в них-то записку спрятать затруднительно...

Грипс обнаружился только один раз, свернутая в крохотную трубочку бумажка, насквозь неинтересного содержания. «Енджечку, каждый день буду молиться Пресвятой Богородице, чтобы красные тебя выпустили». На всякий случай записку все же конфисковали — а вдруг это своего рода шифровка?

Одним словом, Кропивницкий валялся на нарах и лопал пирог с капустой, а я ждал у моря погоды...

Теперь — сошахматист (употреблю это словечко собственной выдумки по аналогии с «собутыльником») Кропивницкого Липиньский. Вот с этим обстояло где-то гораздо проще, а где-то — и сложнее...

¹ Грипс — укрытая в продуктах или в одежде маленькая записка, иногда шифрованная.

Касаемо Кропивницкого, были основания выдвинуть недоказуемую пока что версию, что он безбожно врет, что он необязательно Ромуальд Барея, но до тридцать четвертого года носил другую фамилию, да и биография, не исключено, была чуточку другой (хотя в том, что он настоящий, без дураков, часовой мастер, сомнений не было). Под этой другой фамилией он, вполне могло оказаться, как раз и наворотил что-то, вызвавшее бы наш самый пристальный интерес, а потому никакого пожара не было, и он сам уничтожил все документы и прочие бумаги, где эта фамилия стояла. Хватало прецедентов.

Вот уж кто казался прозрачным, как чисто вымытый хрустальный бокал!

Самый что ни на есть коренной житель Косачей, которого здесь, как говорится, знала каждая собака. Здесь родился (отец русский, мать полька, крещен в православии, та же ситуация, что у генерала Деникина — ни в какой степени не компромат). Здесь окончил гимназию, после чего два года учился в медицинском училище в Минске, где в пятом году (он с восемьдесят шестого) получил диплом фармацевта. Если не считать этих двух лет, все остальное время он прожил в Косачах, очень редко выезжая в воеводство исключительно по служебным делам. Ну что ж, бывают такие домоседы...

Вполне возможно, ему как раз нравилось сонное царство наподобие Косачей. А это, как мне рассказали, было натуральнейшее сонное царство. Бурные события девятьсот пятого года городишко обошли стороной — разве что однажды кто-то застрелил полицейского пристава, но не было ни малейших доказательств, что это сделали революционеры, могли постараться и уголовники, водившиеся и в сонном

царстве. В семнадцатом году вдоволь помитинговали солдаты расквартированного в Косачах пехотного полка, но в противоположность тому, как это бывало в других местах, обошлось без погромов и беспорядков, если не считать того, что со склада пивного заводика (существовавшего уже тогда) солдатики унесли все запасы пива (конечно, забесплатно). В восемнадцатом заскочила банда какого-то батьки (которых тогда было как блох на Барбоске), но особенно покуролесить не успела, разве что выгребла из аптеки весь спирт — времена стояли относительно вегетарианские, пружина зверств еще не раскрутилась на всю катушку, да и банду уже через два дня вышиб из Косачей красный отряд.

В двадцатом (и до тридцать девятого) эти места попали «под пана». Вот тут притеснения обозначились: как и в других местах, новые хозяева здесь поселили так называемых осадников, крепких кулаков, чистокровных ляхов, свою опору на «кресах восточных». И чтобы обустроить им этикие латифундии, отобрали у здешних крестьян больше половины пахотной земли (которой здесь и так было мало) — конечно, как легко догадаться, зная повадки панов, лучшую ее часть. Ну что же, когда пришли наши, крестьяне, не дожидаясь указаний сверху, восстановили справедливость...

В оккупацию Косачи, если судить по общебелорусским меркам, пострадали прямо-таки микроскопически. В Белоруссии немцы (в компании своих цепных псов, украинских и эстонских полицейских батальонов) лютовали всюду. Уже после войны подсчитали — погиб каждый четвертый белорус. Но здесь все было иначе. Немцы, сволочи кровавые, кое-где на оккупированной территории вели очень хитрую

политику. В Брянской области создали даже целый район, пышно поименованный «Локотской республикой». Всю власть, и военную, и гражданскую, отдали своим местным прихвостням (за которыми, конечно, зорко наблюдали издали). И это была вовсе не оперетка — «армия» в несколько тысяч человек с несколькими танками и броневиками, воевавшая с партизанами, «свобода частной инициативы», полдюжины «независимых газет» и тому подобные недетские игры.

Примерно так было и в Косачах, где немцы создали этакую витрину — «вольный город», управлявшийся «настрадавшимися под большевистским игмом белорусами». Рулила жизнью города и окрестных деревень городская управа, где ни одного немца не имелось, но при этом немцы в штатском и разнообразных мундирах обитали тут же, вот только «дружеские советы» своим шестеркам давали с глазу на глаз, за закрытыми дверями, а не на публике. Выходили три газеты на белорусском, работала аптека, начальная школа, больничка, даже городской театр и кинотеатр. Танков и броневиков на вооружении у здешних полицаев не было, и было их не несколько тысяч, а человек триста, но немецкие части, в отличие от «Локотской республики», здесь стояли. А чтобы создать видимость «братства по оружию», по улицам шлялись смешанные патрули: на парочку фельдшармов — два-три «дубравника».

Не было и особого террора. За все время оккупации немцы публично повесили, расстреляли и увезли в неизвестном направлении лишь сто тридцать с лишним человек — при населении городка тысячи в три (близких родственников партизан, пойманных партизанских связных, советских активистов). При-

чем и арестовывали, и вешали не сами немцы, а «бобики».

Иногда наезжали штатские немцы с киноаппаратами и фотокамерами. Снимали городской рынок, действующие церкви, идущих в театр горожан, а потом в немецких газетах появлялись трескучие репортажи о процветании «вольного города»...

И уполномоченный НКГБ, и те двое бывших партизан, досадливо морщась, говорили мне с глазу на глаз, что такая немецкая политика определенную роль сыграла. Не было здесь той ненависти к немцам, что пылала в других местах, где оккупанты отметились массовыми расстрелами мирных жителей и пожарищами. Здесь от немцев не видели люто-сти, а что творится в других местах, горожане знали плохо, к тому же следовало учесть местную специфику — при советской власти Косачи с окрестностями жили всего-то два неполных года. Даже все выходки «квакиных» на них самих и списывали («такие уж разгульные хлопцы»), как-то упуская из виду, что это немцы их сделали безнаказанными. Эта особенность местного сознания повлияла и на подпольно-партизанское движение — и в подполье, и в действовавшем в здешних местах партизанском отряде «Великий октябрь» очень мало, по сравнению с другими районами, было местных уроженцев — в основном жители изначально советской Белоруссии...

Я так подробно рассказываю об истории Косачей, чтобы пояснить, в каких непростых условиях приходилось работать, очень часто учитывать местную специфику. В освобожденных от немцев районах Советской России и Советской Белоруссии было, что греха таить, гораздо легче. Черт, мне иногда казалось, что я оказался за границей, хотя люди говорят на том

же языке. Впрочем, нечто похожее я испытывал и осенью тридцать девятого. Мы тогда действовали километрах в ста севернее Косачей, но все равно порой ощущения были те же самые, в точности...

Теперь о Липиньском. В некоторых отношениях с ним было гораздо проще — в отличие от Кропивницкого, вся его жизнь прослеживалась четко, словно под рентгеном. В девятьсот пятом стал работать в здешней аптеке провизором, а через девять лет стал заведующим, на каковом посту и оставался при всех сменявших друг друга властях, вплоть до сегодняшнего дня. Абсолютно аполитичный человек. С немцами сотрудничал исключительно в рамках своей должности, в сорок втором году вежливо, но решительно отказался, когда ему предложили стать в управе, по нашим меркам, начальником райздравотдела. Сказал, что ни малейших способностей к административной работе не чувствует и не сможет наладить дело должным образом (возможно, это была и не отговорка, от аналогичных предложений он отказывался и при поляках, и после прихода наших).

Классический старый кавалер¹, как выражаются поляки. Женат никогда не был, в связях с женщинами не замечен (впрочем, с мужчинами тоже). Один из информаторов НКГБ, ровесник фармацевта, упоминал, что у него еще до революции была какая-то сердечная драма, вроде бы девушка, в которую он был безумно влюблен, предпочла ему другого, вот Липиньский и остался вечным холостяком. Разрабатывать эту линию никто не стал — к чему? Очень редко, но такое случается не только в романах, но и в жизни...

¹ Кавалер — холостяк (*польск.*).

Никаких компроматериалов, позволивших бы зачислить его в немецкие пособники. Даже наоборот. Постоянных связей с подпольем не поддерживал, но в сорок третьем неделю прятал у себя легко раненного партизанского связного, что было делом смертельно опасным. И не выдал, парень и сейчас жив, после освобождения приходил Липиньского благодарить.

Я промолчал, но потом с ноткой здорового цинизма подумал, что сам по себе этот факт еще ничего не доказывает. Во-первых, гитлеровцы могли оформить все так, чтобы на Липиньского не пала и тень подозрения — скажем, устроить повальный обыск всех домов на той улочке. Правда, они этого не сделали. Во-вторых... У тайной войны свои законы. По большому счету, обычный партизанский связной — не велика добыча. Могли и посмотреть на него сквозь пальцы — подобное практиковали порой и немцы, и мы, чтобы агент заслужил больше доверия...

Жил через два дома от аптеки в пятикомнатной квартире, оставшейся от родителей, где наверняка будет обитать и дальше: это в Советской России его быстренько уплотнили бы, а здесь своя специфика, попросту не было достаточного количества людей, нуждавшихся бы в улучшении жилищных условий (Косачи лежали в стороне от больших дорог, и гражданских беженцев здесь практически не было).

Много лет его хозяйство вела, по-нашему говоря, домработница, а по-здешнему экономка. Как водится, насчет нее и аптекаря лениво сплетничали, но толком никто ничего не знал. Месяца за полтора до освобождения она умерла от какой-то тяжелой болезни, однако Липиньский прожил в одиночестве недолго: то ли в последние дни перед уходом немцев, то ли через несколько дней после нашего прихода у

него поселилась девчонка Оксана, шестнадцати лет, родственница, вроде бы дочка его двоюродного брата, приехавшая откуда-то издалека, кажется, из Гродно. Она с разрешения облздравотдела стала временно работать продавщицей в аптеке. Немцы аптеку не закрыли, но отправили на все четыре стороны и провизора (умер в сорок втором), и продавщицу (уехала к родичам в деревню и пока что не вернулась, оставив «на хозяйстве» одного Липиньского. Вообще аптеку они снабжали очень скудно, самыми дешевыми и простыми лекарствами и медикаментами вроде порошков от головной боли, йода и скверной ваты. Вновь организованный облздравотдел снабдил аптеку лекарствами по довоенным меркам (насколько удалось в военное время) и собирался восстановить довоенный штат. Конечно, этой Оксане следовало бы не за аптечным прилавком стоять, а учиться, но со здешней школой пока что обстояло не лучшим образом: директор и оба преподавателя сбежали с немцами (некоторые говорили, что их угнали насильно, как порой немцы с мирным населением поступали), новых пока что не было, и школа не работала...

Итог? Итог печальный: мы в тупике. У нас ничего нет на Липиньского, если не считать анонимки. Нет смысла не то что его арестовывать, но и устраивать у него обыск — а если не найдем ровным счетом ничего компрометирующего?

Кое-что отдаленно напоминавшее оперативно-разыскные мероприятия, я все же предпринял — оба раза у объектов это не должно было вызвать ни малейших подозрений. Сначала зашел днем в аптеку, купил пузырек йода и немного поболтал с откровенно скучавшей Оксаной (я там оказался единственным клиентом). Что же, красивая черноволосая девушка,